

© 2014 г. С. С. СКОРВИД

ЧЕШСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГОВОРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматриваются важнейшие аспекты фонологической и грамматической систем двух переселенческих чешских говоров, представленных в нескольких деревнях под Новороссийском и Анапой на Северном Кавказе и в Среднем Прииртышье на территории Омской области РФ. Оба говора демонстрируют хорошее сохранение особенностей исходных для них чешских диалектов; в то же время они отражают определенное сближение с системой господствующего языка окружения (русское и отчасти украинское языковое влияние).

The article deals with most important aspects of the phonological and grammatical systems of the two Czech migrant dialects, spread in some villages by Novorossiysk and Anapa in the North-Caucasus and in the Middle-Irtysh Basin on the territory of Omsk Region (Oblast') of the Russian Federation. Both dialects preserve specific features typical for the original Czech dialects, but by the same token reflect some approach to the system of the dominating language (the Russian and partly Ukrainian linguistic influence).

Ключевые слова: чешская диаспора в России, переселение крестьян, юго-западные и северо-восточные диалекты чешского языка, северокавказский и среднеприиртышский чешские говоры.

В 2005 г. Институт языкознания РАН выпустил в свет завершающий третий том энциклопедии, получившей в конечном итоге название «Языки Российской Федерации и соседних государств» (под чем подразумевалось постсоветское пространство). Статья «Чешский язык», которую еще в 1990-е годы начинал писать для названного издания автор этих строк, в нем в силу ряда причин так и не появилась. Главным препятствием стало то, что из манифестаций чешского языка на территории бывшего СССР к началу XXI в. был достаточно подробно охарактеризован в работах З.И. Мячиной 1960–1970-х годов [1–5] только говор села Малая Зубовщина Коростенского района Житомирской области Украины – репрезентант диалекта потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. на Волыни. В 1990-е годы указанный диалект окончательно исчез в результате возвращения на историческую родину остатков чешского населения этих мест, оказавшихся в зоне Чернобыльской катастрофы.

Идиомом чехов-реэмигрантов с Житомирщины в последнее десятилетие XX в. и позже занимались чешские лингвисты Я. Янчакова и П. Янчак [6], С. Чмейркова [7] и др. Факт существования иных диалектных реализаций чешского языка или соответствующих чешскоязычных этнических групп на территории современной Украины и – чему будет уделено основное внимание в настоящей статье – Российской Федерации, прежде всего Краснодарского края на Северном Кавказе,

---

Скорвид Сергей Сергеевич – канд. филол. наук, доцент РГГУ.

был, конечно, известен. При этом, однако, сами такие идиомы оставались слабо описанными либо совершенно не изученными, что констатировал, например, И. В. Кузнецов в этнографическом очерке «Чехи Кавказа» в 1999 г. [8. С. 117].

Северокавказский чешский говор (далее СКЧ) стал предметом специального диалектологического исследования лишь в 2009 г. (см. [9]). Распространенный некогда в полутора десятках чешских и смешанных чешско-русских сел, основанных с 1868 по 1900 г. на землях Черноморского округа и Кубанской области Российской империи чешскими крестьянами-переселенцами, ныне он сохраняется уже только в двух местах компактного проживания их потомков: в селах Кирилловка и Варваровка (вместе с Павловкой, объединенной с ней в 1960-е годы), находящихся соответственно в составе муниципальных образований Новороссийск и Анапа. Активных носителей говора в Кирилловке и Варваровке, включая переехавших на постоянное жительство в соседние населенные пункты, насчитывается по 20–25 человек. В основном это люди старшего поколения (1920–1930-х годов рождения), реже – следующего (1940–1950-х годов), на котором естественная передача чешского языка в семьях прекратилась. С 2009 по 2012 г. исследовательской группой РГГУ во главе с автором данной статьи был совершен ряд экспедиций в районы Новороссийска и Анапы, в ходе которых были сделаны аудиозаписи бесед с носителями СКЧ продолжительностью более 30 часов. Эти материалы позволяют охарактеризовать генезис и своеобразие данного диалекта с достаточной полнотой.

В центр Черноморского округа Новороссийск первые чешские переселенцы, по имеющимся сведениям, прибыли на судах «Русского общества пароходства и торговли» из Одессы в 1869 г. По всей видимости, в подавляющем большинстве это были выходцы из различных областей Юго-Западной Чехии, историческую связь с которой отражают как семейные воспоминания отдельных представителей современных северокавказских чехов (упоминающих, например, окрестности городов Ческе-Будеёвице на юге или Пльзень на западе), так и особенности их бесспорно юго-западночешского по происхождению говора. Возможно, позднее к ним присоединялись другие группы чешских колонистов из числа тех, которые, начиная еще с 1862 г., двигались по суше через юг Украины в Крым, откуда часть их перебралась под Мелитополь и в 1869 г. основала поселение, до 1946 г. известное под названием Чехоград (соврем. Новгородковка – укр. Новгородківка – Мелитопольского района Запорожской области Украины). Во всяком случае, из Чехограда некоторые поселенцы действительно переместились в указанном направлении, о чем в 1910 г. писал уроженец этой колонии, впоследствии баптистский проповедник Ян (Иван Васильевич) Непраш: «Чехоград сейчас насчитывает 102 двора с 575 жителями. Около 50 семей уже выехало в Америку, на Кавказ, а в последнее время также в Сибирь» [10. S. 14] (см. также интернет-версию с комментариями А. Дрбала [11]). В устном предании у ряда северокавказских чехов бытуют рассказы о переселении их предков по суше на подводах, которые во многом перекликаются с описанием подобного же пути нескольких чешских семей в Крым у Непраша [10. S. 12]; встречается также мнение, что переезд этот имел место ранее 1869 г. С другой стороны, известно, что жители Чехограда, как и чешские переселенцы в Крыму и вообще на Украине, включая волынских чехов, были по преимуществу выходцами из Северо-Восточной Чехии (для «южного потока» колонистов тот же Ян Непраш называет области вокруг городов Усти-над-Орлицы, Литомишль и Високе-Мито), однако на общем юго-западночешском характере диалекта чехов в Черноморском округе пополнение его чешскоговорящего населения носителями изначально восточночешских говоров сколько-нибудь заметным образом не сказалось. Точно так же лингвистически не подтверждается допущение либо даже устойчивое убеждение некоторых северокавказских чехов, что их предки прибыли из Моравии.

В целом, хотя юго-западночешский генезис СКЧ не вызывает сомнений, на этот идиом, видимо, можно распространить вывод исследователей северо-восточночешского по происхождению идиома волынских чехов на Житомирщине Я. Янчаковой и П. Янчака: «Конечно же, в указанные населенные пункты прибывали также эмигранты из других местностей в Чехии (а в отдельных случаях и из Моравии), соответственно и говор в заселяемых деревнях первоначально не был единообразным. Лишь в ходе дальнейшей эволюции, в результате совместной жизни в изоляции, происходило нивелирование индивидуальных различий внутри него, и это развитие привело к установлению в общем единого узуса; его определял доминирующий компонент колонизации» [6. S. 25].

Иначе возник говор потомков чешских переселенцев в Западной Сибири, живущих на территории Репинского сельского поселения Калачинского района Омской области (деревни Репинка, Новоградка, Воскресенка) и в самом Омске. О существовании этой общины в Среднем Прииртышье из чешских авторов упоминал еще в 1925 г. С. Клима: «Близ города Омска переселенцы из Чехограда в Крыму основали поселение Новоград (100 чехов)» [12. S. 142]. Все три деревни называет в работе 2003 г. этнолог З. Угерек, полагая, что чехи сюда прибыли около 1903 г., причем с Волыни, и оценивая их численность здесь в настоящее время в 150–200 человек [13. S. 26]. Из отечественных исследователей записи своих бесед с западносибирскими чехами, которые велись на русском языке, анализировала М.А. Харламова (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) в статье 2009 г.:

«В Сибирь чехи приехали не из Чехии, а уже с Украины [...]: *Аткуда ани были? с-украины аткуда-то // худо жыли наверна да ховорят где-то ф-сыбири харашо жыть / земли многа / ну-и-так астались тут // здесь-вот дирэвня / здесь хахлы были чэхи-там // чэхи перэшли дальшэ / так абразавалась наваһратка //* (Новоградка, Калачинский, Яндер А.И., муж., 1932 г. р., грам., чех, 2004 г.); по другим рассказам – из Бессарабии: *Отец з-бисарабии а-мать с-крыма / издалика / эта ф-читвэртом наверна не-е подождити ф-шыстом наверна или сидьмом ходах / так // давно //* (Репинка, Калачинский, Вондра А.А., жен., 1937 г. р., грам., чеш., 2004 г.)» [14. С. 282].

В июне 2012 г. благодаря гранту, полученному в рамках Программы поддержки научно-образовательных проектов РГГУ, при активном содействии М.А. Харламовой была предпринята экспедиция в названные три деревни в Омской области, позволившая собрать материал объемом около восьми часов аудиозаписей, который отражает современное состояние здешнего генетически однозначно северо-восточночешского говора (далее – среднеприиртышский чешский, СПЧ). Из 86 жителей Репинского сельского поселения, заявивших себя чехами в ходе переписи 2010 г., было опрошено 12 человек 1930–1950-х годов рождения. Кроме аудиофайлов, материал включает 25 фотокопий записей чешских молитв, сделанных русскими буквами (в одном случае с добавлением диакритического значка: ř) покойной Каролиной Кадермас в 1992 г. и некоторыми другими носителями СПЧ.

С информанткой, сообщившей М. А. Харламовой в 2004 г., что ее отец приехал в Сибирь из Бессарабии (и относившей переселение родителей к 1904 или 1906–1907 гг.), члены экспедиции 2012 г. не встретились; другие же информанты указывали в качестве территории, откуда в Среднее Прииртышье прибыли их предки, Запорожскую область Украины и, конкретнее, Мелитопольщину. Например, З. В. Яндер (1938 г.р., Репинка): *nu i tadi potom [...] našim prádědam nařezávali zem / i vot von' i se fšel'ali / fšel'ali // n' áki bili na-Ukrajín' e a n' áki v-Záporo- // nu to je z-Záporožja popřijžďeli* (ну и тут потом [...] нашим прадедам нарезали землю, и вот они вселялись, вселялись какие-то были на Украине, а какие-то в Запорожье, ну то есть из Запорожья поприезжали); М. И. Киселева (урожд. Вондра, 1947 г.р., Новоградка): *i našli sme tu vesn' ici M' eřitopol' / hďe vot / naše žili rodiče // a jinač to (?) taki řikají ne M' eřitopol' / a Novohratka // jak naše rodiče žili v-Novohratce / tak i*

tam taki říkali Novohratka // nu / meno vot taková ma (и нашли мы ту деревню Мелитополь, где жили наши родители, а иначе это называется не Мелитополь, а Новоградка, как наши родители жили в Новоградке, так и там называют Новоградка, ну вот такое у нее название).

Несомненно, речь идет об уже упоминавшемся выше селе Новгородковка в Мелитопольском районе Запорожской области Украины, ср. русскоязычное высказывание Е.В. Эйхгорн (1954 г.р., Новоградка): *я сичяс думаю так-э // кагда в-запарож'іе жыли-э / чехи / там ноуһърътка была // и кагда вот-э / некътърыйе сем'іи / паһар^желава эта / пиркулева-э / вѣт выйехали [...]* и вот ани / я думаю / па той диревне назвали ужэ не ноуһърътка а навахратка // пѣтаму-шта даже мы іищѣ пирписывалис' з-запарож'іим // и вот писали / диревня ноуһърътка // ну и атуда іищѣ роцтвиники тоже приехали [...] в-вас'мидисятъх. При этом та же информантка и другие указывают, что их *Novohratka je z-dvanáctího roka / vesn'ice* (Новоградка – двенадцатого года деревня), а само переселение произошло годом ранее, ср. З.В. Яндер: *tisíc devjecet jedenáctim roku načali v-Novohratce se fsel'at Čechi* (в 1912 году в Новоградке начали поселяться чехи); Ф.А. Шиллер (1938 г.р., Новоградка): *нашы кагда радители в-дивицот адиньцѣтѣм һаду приехали сюда / ани сразу* (т.е. вначале. – С.С.) *астановилис' в-ѣкънешникѣфском раѣне [...]* ф-плитнѣфке [...] а патом ани атуда прыйехали сюда в-васкрисенку / паселилис' сразу в-васкрисенке / в-васкрисенке ани нимноһо пажыли / и чехов с-хахламі ни взяла дружба [...] сюда пирѣехали и тут-э / аблюбовали места [...] атедз дивицот адиньцѣтоһо һода / он здес' радился ужэ. Поскольку в 1911–1912 гг. нынешняя Новгородковка под Мелитополем именовалась Чехоград, устойчивую у западносибирских чехов ассоциацию своего топонима с послевоенным советским названием украинской родины их предков следует считать вторичной. Убедительную параллель данному топониму представляет первоначальное название известного чешского села в Бессарабии, переименованного в 1912 г. в Голубое (соврем. Хулубоая в Кагульском районе Молдовы), о котором в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье об уездном городе Измаиле и Измаильском уезде сообщается: «с 1884 г. здесь поселились чехи, прибывшие частью из Чехограда (Мелитопольского у. Таврической губ.), частью из Зубовщины (Киевской губ.), и обрзовали в И. у. колонию Новоград» [15. С. 851]. В обоих случаях, очевидно, возникли топонимы с аналогичной – совершенно прозрачной – мотивацией, никак не связанные с названием прежнего места жительства, которые, напротив, должны были означать «новое поселение».

Ряд информантов при отчетливом осознании вторичности переселения их предков в Сибирь не исключают, что некоторые из них прибыли прямо из Чехии или по крайней мере родились в Чехии (часто именуемой Чехословакией), ср. З.В. Яндер: *on'i sem přijeli s-Ukrajini / n'ákí / a n'ákí s-Čechiji* (они приехали с Украины, некоторые, а некоторые из Чехии); А.А. Вондра (1937 г.р., Репинка): *a starší tcéri / kerá bila s-tisíc devjecet pġun'ího / s-tisíc devjecet druhího / třetího // ti se rodíli f-Čechoslovákiji* (а старшие дочери, которые были 1901-го, 1902-го, 3-го, они родились в Чехословакии).

Интересен рассказ А.И. Кадермаса (1939 г.р., Воскресенка): *Ój / jak naši rodiťel'i sem přijeli // Přijeli won'i dřív na-Ukrajinu [...]* Na a tam zeml'i bilo málo / zemn'e / tak won'i jeli do-S'ib'ir'i // Nu a tadik S'ib'ir' je S'ib'ir' / cholot / zima / a zemn'e bilo navalám // Nu vot won'i tadik pocho- / kak chodaki jezd'ili sem // Pochod'ili / pochod'ili / nu a potom jak // Zemn'e je hodn'e / nu z'ima / i medvjed'i chod'eji // nu i rešili sem jet // Přijeli tam na-Ukrajinu / jeli sem zasej // Nu jeli, kan'ešno // tadik nejedna s'emja bila // bili i Trpkošovi / i Kadřmasovi / i ešče jakísi fam'iliji druhí bili [...] nu, Šileri bili taki / Wondrovi bili // A potom bil holot / i von'i se rvanuli na-Kaukas [...] Nu to bilo / já nevím / ešče do-r'evol'uciji [...] Nu i vot na-Kaukazu tam votali n'ákejch / n'áká rodn'a votala / mamíňka se s-n'ima pġepisovala // nu já točno adres nevím (Ой, как наши

родители сюда приехали [...] Приехали они сначала на Украину – ну а там земли было мало, так они поехали в Сибирь. Ну а тут – Сибирь есть Сибирь, холод, зима, а земли было навалом. Ну вот они тут, как ходоки ездили сюда. Походили-походили, а потом что? Земли много – ну зима, и медведи ходят, ну и решили сюда ехать. Приехали туда на Украину, поехали сюда дальше. Ну, ехали, конечно, тут не одна семья была: и Трпкоши, и Кадермасы были, и еще какие-то другие семьи [...] Шиллеры были тоже, Вондры были. А потом был голод, и они рванули(сь) на Кавказ [...] Ну, это было – не знаю, еще до революции [...] Ну и вот на Кавказе там осталась какая-то родня, мать с ними переписывалась, но адрес я точно не знаю).

Родственные связи чехов Среднего Прииртышья с кем-то из чешской диаспоры на Северном Кавказе, своеобразно объясняемые информантом, могли сохраняться со времен миграции части переселенцев из Чехограда в обоих направлениях, о которой сообщал Ян Непраш в цитированной выше статье 1910 г. Комментатор этой публикации А. Дрбал соотносит переселение группы колонистов из Чехограда на Кавказ, в окрестности Новороссийска, с поездкой в Крым выдающегося чешского винодела, в 1867–1884 гг. агронома Черноморского округа Бедржиха Гейдука. Отъезд же некоторых семей около 1911 г. в Сибирь, несомненно, был связан с политической ситуацией в восточных регионах Российской империи, проводившейся правительством П.А. Столыпина.

В целом СКЧ и СПЧ обнаруживают яркие черты соответственно юго-западных и северо-восточных говоров собственно Чехии, проявляющиеся на фоне общечешских диалектных особенностей, прежде всего фонетических и морфологических. В фонетике это, в частности, дифтонгизация $\bar{y} > ej$ (*tejden* ‘неделя’, *žádnej* ‘никакой, никто’ и т. д.) при соответствующем различии между исходными диалектами в отсутствии/наличии подобной дифтонгизации исконного $\bar{i}$ после свистящих согласных (ср. [16. S. 92; 17. S. 86–92]): в СКЧ *ciťit* ‘чувствовать’, *ciška* ‘наволочка’, но в СПЧ *cejtej* ‘чувствуют’ (с твердым **t!**), *cejcha* ‘мешок для постели’, *blisko lesejka* ‘близ лесочка’, *na-vozejčkách* ‘на телегах’, а также «сужение» $\bar{e} > \bar{i}$ (*mlíko/mlíko* ‘молоко’, в СКЧ *i takoví bilo* ‘и такое было’, в СПЧ *vot takoví to bilo u-nás* ‘вот так(ое) оно было у нас’), утрата **l** после согласных в конце слова в случаях типа *řek < řekl* ‘сказал’ и протеза **v/w** перед начальным **o-**, нерегулярность которой в СКЧ может объясняться южночешскими корнями этого говора (*von/won* и *on* ‘он’, *voťut’* и *otťut’* ‘откуда’, ср. [16. S. 75; 17. S. 370]), но несколько неожиданна в СПЧ (ср. *won říkal // oj, jak on řek // voj / voj / víj* «он говорил... ой, как он сказал... ось, ось (у телеги)» при наличии протезы в русизме *vobrus’efši* ‘обрусевшие’ и т.п.). В морфологии характерны колебания глаголов типа **mluvít** ‘говорить’ и **rozumn’et** ‘понимать’ в формах 3-го л. мн. ч. презенса *mluvjej(i/i)* и *mluví*, *rozumn’ej(i/i)* и *rozumí* (ср. [16. S. 190; 18. S. 446–452]), в СКЧ вследствие его юго-западнечешского генезиса с закономерно большей долей, но не преобладанием форм с флексией **-í** без расширения основы; у одушевленных существительных распространение основ с чередованиями **k ~ c**, **ch ~ š** из реликтовых форм им. п. мн. ч. типа *kluci*, *hoši* ‘мальчики, парни’, в СКЧ спорадически с юго-западнечешской долготой в окончании (*klucí*), на всю парадигму множественного числа; у притяжательных прилагательных – возобладание полных форм над краткими при сохранении реликтов последних в парадигме семейно-притяжательных образований в СПЧ, как в северо-восточных чешских говорах, и употреблении юго-западнечешских застывших кратких форм им.-вин. п. ед. ч. ср. р. на **-ovo/-ino** в СКЧ. Лексика СКЧ и СПЧ характеризуется присутствием как общечешских, так и локальных, соответственно юго-западных и северо-восточных, диалектизмов, включая старые германизмы. Это существительные *přítel* в значении ‘родственник’ (им. п. мн. ч. *přátele*), в СКЧ юго-зап. *húde* ‘девочка, девушка’ (наряду с *holka*, *holčička* – в СПЧ *děučce*), в СПЧ сев.-вост. *družice* ‘подружка невесты’, в СКЧ *vjetle*, *vjetlička* ‘ветка’ (с заменой **-tv-** на **-tl-**), в СПЧ мн. ч. *kvítka* ‘цветы’ (в СКЧ *kitki/kitički*), при-

лагательные *šerednej* (СПЧ), *škaredej* (СКЧ) ‘некрасивый, плохой’, в СПЧ *hrubá* ‘беременная’, в СКЧ *stonavej* ‘больной’ и соответствующий глагол *stonat* ‘болеть’ с приставочными образованиями (также в СПЧ), глаголы *hledat* в значении ‘смотреть, приглядывать’ (СКЧ), *zđelat* ‘снять’ (СПЧ, в СКЧ – *sundat*), наречия *čerstvo* ‘быстро’, *záhi* ‘рано’, *tadik* ‘здесь’ и другие с конечными элементами **-k**, **-(k)ej**, в особенности в СПЧ: *porád-ek* ‘постоянно’, *potom-ek* ‘потом’, *jednouk* ‘однажды’, *teťkej* ‘теперь’, *zasej* ‘опять’; германизмы: общедиалектные *richtovat* ‘готовить’, *koštovat* ‘пробовать (на вкус)’, в СПЧ *šmřkustovat* ‘стегать прутиком’ (обычай на Пасху), *trašpanka* ‘пролетка’ (< нем. *Straßenbahn*, соврем. ‘трамвай’), в СКЧ *loch* в значении ‘подвал’, *bajzik* ‘собака’ (< нем. *beißen* ‘кусать’) и т. д.

В то же время оба исследуемых говора на всех языковых уровнях несут на себе следы интенсивных непрекращающихся контактов с восточнославянской языковой средой окружения, в том числе межъязыковой интерференции с ней в ситуации давнего полного чешско-русского двуязычия их носителей, а в прошлом также контактов с украинским языком в той или иной диалектной разновидности. Для предков носителей СПЧ это были юго-восточные украинские говоры Мелитопольщины (и ранее Крыма), в случае же СКЧ – смешанный украинско-южнорусский идиом, известный под названием «балачка». При этом по крайней мере в фонетической и фонологической системах и в грамматике указанные контакты обусловили аналогичные по своему характеру внутривидовые изменения в СКЧ и СПЧ.

На уровне фонетики и фонологии как СКЧ, так и СПЧ демонстрируют в целом хорошую сохранность системы центральноевропейского типа, характеризующейся нефонологическим инициальным ударением и независимым от ударения фонологически значимым различием кратких и долгих гласных.

Фиксированность ударения на первом слоге слова или тактовой группы (с обычным переносом его с существительных и других слов, в СПЧ также многосложных, на односложные предлоги) может нарушаться только в лексемах, усвоенных из русского языка, которые нередко сохраняют русское место ударения, как и сам его тип с факультативным продлением ударного гласного. Ср. в СКЧ: *žili v-z'implance* (жили в землянке); *von'i po-kusočku / vobđelávali tu zem* (они по кусочку обрабатывали эту землю); *aš přišli kolchozi / tak roskulačili [...] fšecko vzali dokolchozu* (когда пришли колхозы, так раскулачили [...] все забрали в колхоз); *uš sme mn'eli tolika dakum'entoč* (у нас уже было столько документов) и т.п. Часто, однако, ударение и в таких лексемах переносится на начальный слог, причем ударный в русском неначальный гласный может трактоваться как долгий: в СКЧ *stavjeli si ti palátki* (ставили себе эти палатки); *mi sme nehďa / jeli na-ribálku* (мы как-то раз поехали на рыбалку); *tam sme sedli na-paróm* (там мы сели на паром); в СПЧ *nu to roskuláčivali uže jak // miho d'edečku / toho roskuláčili* ‘ну, раскулачивали как... моего дедушку, его раскулачили’; *cera je ve-Hermán'iji* (дочь (моя) в Германии) и др. Впрочем, обычны и случаи «безостаточной», никак не компенсируемой инициализации ударения в русизмах, особенно в СПЧ: *kak chodaki jezd'ili sem* (как ходоки ездили сюда), *rešili sem jet* (решили сюда ехать), *von'i se fsel'ali, fsel'ali* (они вселялись, вселялись), *potom uš stariki načali toho / umírat a molod'oš // žen'it se gđo nakon* (потом уже старики начали того, умирать, а молодежь жениться кто на ком), *a potom uš fs'o / roctvo se končilo* (а потом уже все, родство кончилось), *kiselka // kartoški dávaji tam / potom jak // po-mojemu vajičko* («киселка» – картошку туда кладут, а потом что? по-моему, яйцо). Интересны лексемы, воспринятые с редуцированным гласным в начальном предударном слоге, на который переносится ударение, например: *bil to nákej taki chazajn / tarhov'ec* (это был какой-то такой хозяин, торговец) (СКЧ), *kolchos / potom saučhos* ‘колхоз, потом совхоз’ (СПЧ).

Носителями СПЧ сильное ударение на первом слоге в том числе и в русских словах осознается как яркая отличительная черта их говора: *mi mluvíme uš // jen*

udar'en'ije / slova ruski a jen udar'en'ije stavime po-druhim (мы говорим уже, только ударение, слова русские, а только ударение ставим по-другому).

Специфической особенностью СКЧ (возможно, имеющей юго-западночешский источник) является факультативный, но при этом часто реализующийся в определенных фразовых условиях сдвиг ударения с начала слова или тактовой группы на слог и более вправо, в том числе иногда его перенос на последний слог словоформы или на последнее звено в цепочке энклитик. Например: *babijce moji je [...] devadesát sedum let* (бабушке моей [...] 97 лет); *vi ste se umorili tenkrát?* (вы устали (уморились) в тот раз?), *aš tám sem dál wodešel / abí ji nesplášíť* (я подальше отошел, чтобы ее не спугнуть (рыбу)); *diš sem přijeli s-Čech [...] tak přijeli / tak jako sp'ecp'er'es'el'enci* (когда они приехали сюда из Чехии [...] то приехали как спецпереселенцы); *vouđíte se / a potom vás sn'í* (вы прокоптитесь, а потом вас съедят); *neučila sem se / a fšechno dělala sama* (я не училась, а все делала сама); *vemte si to / no pušte náz h-d'etem* (заберите себе это, но пустите нас к детям). По-видимому, указанный акцентный сдвиг служит в СКЧ особым средством маркировки фразового ударения в сочетании с соответствующей фразовой интонацией: восклицания, вопроса, перечисления, каденции и т.д.

Краткость/долгота остается в СКЧ и СПЧ устойчивым различительным признаком гласных как в корневых, так и в аффиксальных морфемах. Ожидаемое в СПЧ сокращение долгих гласных, особенно **ī, ĭ**, прежде всего во флексиях и в суффиксах, считающееся характерной приметой северо-восточных и центральночешских диалектов [19. S. 19, 89], хотя и отмечается – *pjet klucu i štiri devčata / devjet lid'í* (пять мальчиков и четыре девочки, девять человек), *taťinek* 'папа', *kmotříček* 'крестный', *s-košičkem* 'с корзиной', иногда и в корне: *mliko* 'молоко', *jist* 'есть', *dřífl dříu*, но также *dříu* 'раньше' и т.д.), однако в целом ненамного чаще, чем в восходящем к юго-западным говорам СКЧ и чем «в среднем» в диалектах на территории собственно Чехии. При сокращении **ī** во флексиях – в частности, собирательных существительных среднего рода – в СПЧ, как и в северо-восточных чешских диалектах (ср. [16. S. 139; 17. S. 282–284]), происходит продление исконно короткого корневого **e** перед **l, ř** или шипящим: *knedlički ze-zélím* (кнедлики с капустой), *Čechi pěři drali / a pěrini sme d'áli* (чехи перо щипали, и перины мы делали), *bjéžiš za-n'imi* (бежишь за ними). То же явление, однако, наблюдается и в СКЧ: *nám se-šlehačkou / nebo ze-zélím* (нам со взбитыми сливками, или с капустой), *potom vona tadik už načala pěrím vobrostat drobet* (потом она уже тут начала малость обрастать перьями).

В обоих говорах отражены результаты давнего (новоакутового) продления кратких **e, o** в порядковых числительных с корнями ***šest-**, ***sedm-**, ***osm-** [16. S. 135]: *z-dvacet pátiho / z-dvacet šístiho roka* (25-го, 26-го года рождения) (СПЧ), *vot třicet pátej / šístej rok* (вот 35-й, 6-й год) (СКЧ), *f-třicet sídmim roku* (в 37-м году) (СПЧ и СКЧ), *tisíc vosumset vosumdesát vúsímim roku* (в 1888-м году) (СПЧ), *do-vúsmiho klasu* (в восьмой класс) (СКЧ). Напротив, только в СКЧ, вслед за юго-западными чешскими диалектами, сохраняется краткость **e** в инфинитиве консонантно-корневых глаголов акцентной парадигмы *s*, односложных и производных приставочных типа *vest* 'везти', *nest* 'нести', *donest* 'донести, принести' – в СПЧ *vodníst* 'отнести' (ср. [16. S. 136; 17. S. 250–252]), а также изредка представлено продление **i** во флексии им. п. мн. ч. одушевленных существительных мужского рода: *ti klucí* (эти мальчики) (ср. [16. S. 154; 18. S. 154]).

Своеобразную позиционную реализацию имеют в СКЧ прежде всего краткая, но также и долгая фонемы **i, ĭ**. После **l** и губных согласных **i** здесь может быть представлена более задним вариантом [y] (аналогичным рус. [ы]), например: *tadidle / sme byly vyšly* (вот тут мы (было) вышли); *a pyvo / tam je takoví pyvo dobrí* (а пиво, там такое пиво хорошее) – при *a pívo!* (и пиво!) с фразовым продлением **i**. Вместе с тем после этих же и других согласных и даже в начале слова **i** нередко реализуется в верхне-среднем варианте [i] – украинского типа гласном, колеблющемся между

[i] и [e] (вплоть до совпадения с [e]), например: *mi sme tahali přes-rameno uzli* (мы тащили через плечо узлы); *an'i nemišli n'ikam* (и не вздумай никуда (ходить)); *ni i si vzali tuhletu* (ну и взяли себе вот эту); *diš potom taťinka vzali* (когда потом папу взяли); *nu von přicházel / přijžd'el* (ну он приходил, приезжал), *dělali klobáši takoví / ityn'ice* (делали колбасы такие, кровяные). Так же может реализоваться и долгая **i**: *tam taki nepřijžd'el* (туда он тоже не приезжал), *fšechno co ona mn'e říkala po-česki* (все, что она мне говорила по-чешски). Эти особенности реализации **i**, **ī** в СКЧ, безусловно, сложились вследствие давнего контакта данного идиома с «балачкой». В СПЧ, базирующемся на говоре чешских переселенцев с территории Украины, которые переезжали в Сибирь в одном потоке с украинскими крестьянами и продолжали контактировать с ними также на новом месте, реализация **i** в виде [i], вопреки ожиданиям, отсутствует – ср., однако, в цитированном выше русскоязычном высказывании Ф.А. Шиллера: *с-хахлами* (с хохлами). Случаи появления здесь на месте **i** гласного [e], вероятно, следует объяснять всякий раз особыми причинами: например, в словах из песни *přisahala miláčkově* (вместо *miláčkoví*) (клялась любимому) – непонятной информантке флексией дат. п. ед. ч. **-ovi** (в СПЧ она имеет вид **-oj**). Задний гласный [y], аналогичный рус. [ы], в СПЧ встречается только в русизмах: *obyčejí mi počti žádnéj nevíme* (обычай мы почти ни один не знаем); *starší jak je / buto se pytal mluvit* (старший как будто пытался говорить) и т. п.

Консонантизм СКЧ и СПЧ также в целом сохраняет исходный чешский тип, характеризующийся регулярным противопоставлением по твердости/мягкости лишь трех пар согласных, при этом разных по месту образования: альвеолярных (гингивальных) **d**, **t**, **n** и палатальных **d'**, **t'**, **n'**. Благодаря многочисленным русизмам, однако, в СКЧ и СПЧ выступают и другие мягкие согласные: сонорные **l** и **r**, шумные зубные свистящие **z'**, **s'**, губные и заднеязычные. Факультативно, на правах позиционных вариантов, либо даже в независимом положении эти согласные появляются в словах/словоформах, не обязательно маркированных для говорящего как иноязычные вкрапления. Ср. в обоих идиомах *z'im'anka/z'eml'anka* 'землянка' (дом, крытый дерном), *fs'o* 'все', *fs'aki* 'всякий'; в СКЧ *p'ekn'e* 'хорошо', *m'ej hambu nákou!* (постыдись!) (где [p'], [m']) – варианты бифонемных сочетаний **pj** и **mj/mn'**), *vibir'ejte si* (выбирайте себе), *jez'dila* 'ездил' (с русским регрессивным смягчением), *v-lubí vr'em'a* (в любое время), *proz'za-náz* (проси за нас); в СПЧ *S'ib'ir' je S'ib'ir'* (Сибирь есть Сибирь), *gdiš kluk [...]* *z-děvčatem se fstr'ečá // česká je l'ubov řešká* (когда парень [...] с девушкой встречается, чешская любовь трудная), *s-mamink'inej strani babička* (бабушка с маминой стороны) (со смягчением **k** в исходе основы исконно чешской лексемы перед суффиксом **-in-** в результате устранения чередования согласного по русскому образцу) и т. д.

Особого внимания в консонантизме СКЧ и СПЧ заслуживает колеблющийся статус фонемы **v**, которая может вести себя и как шумная губно-зубная звонкая с оглушением в [f] в позициях перед глухим согласным и в конце слова (в последней, по-видимому, только в СКЧ), и как сонорная губно-зубная, которая в указанных и других позициях часто бывает представлена губно-губными вариантами [ɥ] и [w]. Ср. в СКЧ: *hřbitof* и *hřbitou*, *kerchhof* и *kerchou* 'кладбище', *dřífl/dříu* 'раньше'; *hdo z-Varvarofki / hdo z-Hlebovki* (кто из Варваровки, кто из Глебовки), *do-Anastas'ijeuki jeli* (в Анастасиевку ехали); *von bl' barabanščikem / hlaun'im* (он был барабанщиком главным); *pot-ten most / prun'i* (под тот мост, первый); *w-ohorođe sázim* (в огороде сажаю) и *ne, cuk' néjn'i v-ohorođe* (нет, сахара в огороде нет); *kluci tam ud'ali wohen'* (ребята там развели костер); *tak von ho poslal* (и он послал его) и *won jí potom zaklepal* (он ей потом постучал); *a vona se smn'eje a povídá* (а она смеется и говорит) и *já ešče powidám* (я еще говорю); в СПЧ: *dříu* 'раньше' (при *dříf to bilo* (раньше так было) и *nejdřiv bili* (сначала были)), *prun'il-i* 'первый', но *mladí d'eučátka / d'efčata* 'молоденькие девочки, девушки' – а также *se-svíma dvořma d'evčatama* (со своими двумя девочками) – *přijeli f-tricet sídmim roku / h-noci* (приехали в тридцать седьмом году, ночью) (= 'в ночи', где **h** < **w**), а также *tisíc devčecet*

jedenáctim roku načali v-Novohratce se poseľat Āechi (в 1911 году начали в Новоградке поселяться чехи) (с утратой предлога перед числительным), *w-rosadn'iku co roste?* (в огороде что растет?), *jak vistřeľej / tak to wejskali* (как выстрелят, так визжали), *vona i z-děťima po-česki mluví / i s-wnukama po-česki mluví* (она и с детьми, и с внуками говорит по-чешски), *newíte takovi?* (не знаете такого?), *powídali že džžel jednu kobilu / i ta byla bez-wocasa* (говорили, он держал одну кобылу, да и та была без хвоста), *vobuj se nazívá // wobliknout na-nohi nebilo co* (обувь называется, на ноги нечего было надеть) (в *vobuj* наблюдается переход некогда мягкого **w** в **j**, встречающийся и в других случаях, ср. *pojďali* 'говорили', также в записях молитв русскими буквами: *nak se nouďa* (потом говорится), т.е. 'говорят').

С [ɥ] как вариантом фонемы **v** в СКЧ и СПЧ идентифицируется и вторая часть дифтонгического сочетания **ou** < ***ū**. Для СПЧ это красноречиво документируют записи молитв, где данный дифтонгоид последовательно передается средствами кириллицы как **ов**: *одповциме* (отпускаем, прощаем), *последне се ловчим свами* (в последний раз прощаюсь с вами), *довфа душе ма в Господина* (упоает душа моя на Господа), *полибени вровци* (горячий поцелуй), *пři совду* (на суде), *Кристe Совдце* (Судия Христос!), *кroppисе свеценов водов* (окропляется святой водой), *про смртелнов овскост твою* (ради твоей смертной муки) и т.д. Так же передают этот дифтонгоид северокавказские чехи, записывая русскими буквами свои песни: *гусы се пасов* (гуси пасутся), *заби некеров* (убей какую-нибудь), *то сов гусы панимамы* (это гуси хозяйки), *ковлело се, ковлело* (катилось, катилось). Трактовку элемента [ɥ] в подобных случаях как варианта фонемы **v** подтверждает и единичный пример оглушения его перед глухим согласным: *starí lidí to nazívali Viktoru koft* (чеш. лит. *kout*) (старые люди называли это «Викторов угол»). Подобное же явление в СКЧ наблюдается в иноязычной лексеме *auto* '(авто)машина', в первом слого которой в чешском языке традиционно усматривают дифтонг **au**, например: *avto, samosváli Mah'irus / schvál'n'e pro-Rusko tam dělají takovi afta* (машина, самосвалы «Магирус», специально для России там делают такие машины); *ešče sem jezďila aųtem* (я еще ездила на машине) и *na-afto nemůžu zalest* (на машину не могу залезть).

На территории Чехии реализация фонемы **v** в виде [ɥ] и [w] свойственна северо-восточным диалектам, причем первый вариант в конце слова и перед согласным имеет достаточно широкое распространение, а второй в настоящее время фиксируется лишь на периферии данной диалектной зоны [16. S. 24–25; 17. S. 429–434]. Поскольку, однако, такая реализация **v** имеет явные украинские параллели и наблюдается также в русской речи носителей СПЧ, равно как в чешской и русской речи носителей СКЧ, у последних, несомненно, в результате давних контактов с украинизированной языковой средой окружения (изначально – «балачкой»), здесь можно говорить о сохранении в СПЧ северо-восточночешской диалектной черты в благоприятствующих этому условиях внешнего воздействия. Впрочем, такие ее проявления, как [w] перед гласным переднего ряда, тем более с переходом его в [j] в случаях типа *powídali* > *pojďali* или *vobuj* (ср. [16. S. 50; 6. S. 50, 87]), бесспорно, следует считать северо-восточночешскими диалектизмами. Напротив, в СКЧ аналогичная черта, по-видимому, развилась в условиях сходного внешнеязыкового воздействия вторично.

В речи одной носительницы СПЧ засвидетельствована и билабиальная реализация старого твердого **l** в случаях *babíčka biwa tisíc vosumset vosumdesát vúsmim roku* (бабушка была в 1883 году (рождена)), *taťinek bių tisíc devjecet třeťim* (папа был в 1903-м), что также отмечается в периферийных говорах на северо-востоке Чехии (ср. [16. S. 28]).

Из комбинаторных явлений для СКЧ характерны регулярная спирализация начального согласного в местоимении *hdo* 'кто' и местоименных наречиях *hde* 'где', *hda* 'когда' и т. п. (< ***кьд-**), которая, впрочем, представлена и в СПЧ (*hdo* наряду с *gdo* и др. при *xto* в русскоязычном дискурсе носителей этого идиома), что согла-

суется с развитием в обеих группах исходных чешских диалектов ([16. S. 64; 17. S. 315–316]), и типично юго-западночешское изменение в **j** первого элемента сочетаний зубных фрикативных и взрывных согласных ([16. S. 58; 17. S. 422–424]): *hdij-se vrátil* (когда вернулся) (**šs** > **js**), *von se sám pojtrhnul* (он сам себя подорвал) (**tt** > **jt**). Фиксируемая в Чехии исключительно в северо-восточных говорах диссимиляция **nn** > **dn** ([16. S. 56–57; 17. S. 424–428]) для СПЧ засвидетельствована трижды в кириллических записях молитв в сочетании *Мария падна* (Дева Мария), но спорадически встречается и в СКЧ в прилагательном *dřevjednej* ‘деревянный’ и в результате своеобразной «гиперкоррекции» в существительном *stavedn’i* ‘дом’, ‘строение’. В СПЧ обращает внимание также диссимиляция **sn** > **sm** в лексеме *písmička* ‘песня, песенка’ и дистантная метатеза плавных в случаях *korovlat* (< *kolovrat*) ‘прялка’, *levorver v-ruce nabitej prudce* (револьвер в руке, крепко заряженный) (строчка из песни, в переводе исполнительницы на русский – *а ўон набил леворвер...*). Информант Ф.А. Шиллер настаивал на том, что *фамилия наша ран’шэ далжна была быт’ Шырэл*, с мотивировкой: *ани фсе чешкые фамилии далжны чирээ э писацца // а вы фсах нас ужэ пад-немцеф-э смихчили / пад-немцеў*.

Также на уровне морфологии в СКЧ и СПЧ в целом хорошо сохраняются исходные диалектные системы, соответственно юго-западная и северо-восточная, с рядом противопоставленных различий между ними при одновременном развитии на некоторых участках структурных схождения с языковой средой окружения.

В глагольном спряжении показательны различия в презентных формах 3-го л. мн. ч. У глаголов типа **mluvit** ‘говорить’ и **rozumn’et** ‘понимать’ (с основой на **-í** в других формах презенса) эти формы в СПЧ почти последовательно оканчиваются, как и в северо-восточночешских говорах, на **-ej** или, с сохранением ненулевой флексии, на **-eji/-eji**: *mluvěj* ‘говорят’, *křičěj* ‘кричат’, *chodějí* ‘ходят’, *cejtej* ‘чувствуют’, *vidějí* ‘видят’, *džěj* ‘держат’, *stavěj* ‘ставят’, *uvažěj se* ‘сварятся’, *trělej/strělej* ‘стреляют’, *vistřelej/vitřelejí* ‘выстрелят’; в кириллических записях молитв: *не надали се то мнози же так мусей умржит брзи* (не ждали того многие, что они должны умереть так скоро), *сповщей до гробу* (опускают в могилу). Только у глагола **rozumn’et** в СПЧ засвидетельствована конкуренция форм 3-го л. мн. ч. на **-ej** и более распространенной сейчас на территории Чехии на **-í**, совпадающей с формой 3-го л. ед. ч.: *děti rozumn’ej* (дети понимают), но *von’i jej votv’ečaji naruskím / a rozumn’et fšecko rozumí* (они ей отвечают на русском, а понимать все понимают) – ср. также: *co se kola krouťí* (где колеса крутятся). Напротив, в СКЧ, в соответствии с юго-западночешским диалектным состоянием, у глаголов данных типов широко представлены презентные формы 3-го л. мн. ч. с окончанием **-í**, омонимичные формам 3-го л. ед. ч., конкурирующие с формами на **-eji** (реже на **-ej**), ср.: *mluvjejí/mluvjeji* ‘говорят’, *nerozumn’ejí* ‘не понимают’, но *vnuki / uš máloco rozumí i nemluví* (внуки уже мало что понимают и не говорят); *křičeji/křičí* ‘кричат’, *mļčeji/mļčí* ‘молчат’, *platej/platí* ‘платят’, *chodejí/chodí* ‘ходят’, *přicházejí/přichází* ‘приходят’, *jezdějí/jezdí* ‘ездыт’, *vozejí/vozí* ‘возят’, *stojěj* ‘стоят’ и *tadi stojí tí / s-tíma flintama / jako nepouščeј* (тут стоят эти, с ружьями, и не пускают); *visí* ‘висят’, *sedí* ‘сидят’, *mn’e bolí nohi* и *nohi mn’e bóli* (у меня ноги болят), *to tí mezi-nohi vitřelí / to do-hóri vitřelí* (то тебе между ног выстрелят, то вверх выстрелят) и т.д. На продуктивность окончания 3-го л. мн. ч. **-í** в СКЧ указывает его употребление вместо ожидаемого **-ou** в форме глагола другого типа спряжения: *a von’i / tlučí na vokna* (а они стучат в окна) (ср., впрочем, также обратный пример: *dostrájejou* ‘доставляют’).

Ряд специфических особенностей глагола обнаруживается в императиве. Это, в первую очередь, наблюдающееся в СКЧ – как и в юго-западночешских диалектах – чередование свистящих согласных презентной основы с шипящими, в том числе **st** ~ **šč** (*poprošte* наряду с *poproste* ‘попросите’, *pušte* ‘пустите’ с упрощением **-šč-** перед **t**, *otpušć* ‘прости’; ср. [16. S. 187; 18. S. 464–465]), а также распространение здесь окончания **-í** из форм 2-го л. ед. ч. с группой согласных в исходе

основы на формы 2-го л. мн. ч.: *řekn'ite* 'скажите', *nejezd'ite* 'не ездите', *nejd'ite* 'не идите', *sedn'ite si* 'садитесь', букв. 'сядьте' наряду с *sedn'ete si d'eti* (сядьте, дети) (ср. [16. S. 193–194; 18. S. 479–464]). В СПЧ императивная форма 2-го л. мн. ч. с аналогическим *-i-* также является регулярной, например: *rozřizn'ite to* (разрежьте это). Я. Янчакова и П. Янчак, отмечавшие подобные формы в речи уроженцев чешского села Малиновка на Волини, считали их наследием состояния в окраинных северо-восточнечешских говорах, пограничных с центрально-моравскими, отрицая вероятность влияния сходных украинских и русских форм [6. S. 70]. Для СКЧ и СПЧ, напротив, следует допустить наличие такого влияния как дополнительного фактора, поддерживавшего сохранение своих диалектных форм.

Под воздействием языка окружения в обоих исследуемых идиомах утрачены синтетические императивные формы 1-го л. мн. ч., вытесненные описательными конструкциями с формами императива 2-го л. ед. или мн. ч. глагола *dávat* 'давать' (*dávej*, *dávejte* < рус. *давай*, *давайте*) и индикатива смыслового глагола. Ср. в СКЧ: *Maruša / dávej se přiznáme!* (Марушка, давай признаемся!); *dávej babičku poprosíme* (давай бабушку попросим), *dávejte si vypijem* (давайте выпьем); в СПЧ: *dávejte uznáme n'eco* (давайте что-то узнаем).

Одушевленность существительных мужского рода в СКЧ и СПЧ продолжает регулярно выражаться лишь в единственном числе, причем не только в совпадении форм винительного и родительного падежей, но также в омонимичных, как правило, формах дательного и местного падежей. В них в СКЧ выступает обычное для чешского языка окончание *-ovi*, изредка *-u* или, только в дативе, контаминированное *-ovu* – *dědouškovu bilo dva roki* (дедушке было два года), а в СПЧ, как и в северо-восточных чешских диалектах, окончание *-oj* < *-ovi* (иногда здесь, впрочем, по-прежнему слышится скорее *-o^wi*): *mladímu klukoj* (молодому парню), *po-ta'ínkoj* ($\approx$ *-o^wi*) *bila Janderova* (по отцу она была Яндерова), *dědečkoj* ($\approx$ *-o^wi*) *říkali Antoš* (деда звали Антош), в кириллических записях молитв: *Слава отцу сину Сватыму духой* (ср. [16. S. 50–51; 18. S. 106–107]).

Существительные мужского рода со значением лица на *-a*, у которых формы вин. и род. п. ед. ч. с окончаниями, как у существительных женского рода, не совпадают (в СПЧ так по русскому образцу может быть оформлена, в частности, лексема *dědečka* 'дедушка' – ср. *mího dědečku* (моего дедушку)), в творительном падеже единственного числа имеют в СПЧ, как и в северо-восточных чешских говорах, окончание *-em* (в СКЧ – обычное для чешского языка *-ou*, как у существительных женского рода): *Aneška z-Honzem* (Анежка с Гонзой), *s-Frantem Přibílovim* (с Франтой Пршибылом) (ср. [16. S. 154; 18. S. 146–148]).

Напротив, во множественном числе выражение одушевленности существительных мужского рода (прежде всего твердого типа) в СКЧ и СПЧ под влиянием чешско-русской, а ранее, возможно, также чешско-украинской интерференции разрушено. Особую форму им. п. мн. ч. с маркирующим одушевленность чередованием конечного согласного основы перед окончанием *-i* сохраняют только некоторые лексемы со значением лица или животного. Ср. в СПЧ: *Čech – Češi*, *hoch – hoši* и *kluk – kluci* 'парни', также *medvjedi* со смягчением конечного согласного; помимо этого в песне встречается форма *kamarád'i* 'друзья', а в кириллических записях молитв, в тексте, озаглавленном *Погребение малых детей в хату* (так!), показательный пример *сестрички а братрички* с написанным поверх последней буквы окончанием *ове* и продолжением *школаци а співачкове* (сестрички и братишки, соученики и певчие). Книжные формы на *-ове* (чеш. лит. *-ové*) явно не имели поддержки в говоре автора записи; лишь форма *školáci* от *školák* могла найти в нем опору. Во всяком случае в СКЧ, где фигурируют в основном те же специфические одушевленные формы им. п. мн. ч. *Češi*, *hoši*, *kluci/klucí*, а также *vŭci* 'волки', *bratři* 'братья', *Žid'i* 'евреи', *Cikán'i* 'цыгане' и др., форма *školáci* 'школьники' и подобные ей формы существительных с суффиксом *-ák* оказываются в их числе.

Примечательно, что у существительных, не утрачивающих формы им. п. мн. ч. с чередованиями согласных, как в СПЧ, так и в СКЧ от основы с чередованием (**k ~ c**, **ch ~ š**, реже другим) могут образовываться и остальные падежные формы мн. ч., что отмечается в северо-восточных – но не в юго-западных! – диалектах на территории Чехии [16. S. 153, 164; 18. S. 190–191, 226, 229, 280–282]. Ср. в СКЧ вин. п. *chod'ili tadi / přepisovali fšechni Češi* (ходили тут, переписывали всех чехов), *vdávali se jenom za-Češi* (замуж выходили только за чехов), *N'emci sebirali fšechni ti mladí kluci* (немцы собирали всех этих молодых ребят), *von taki sám to nedál / von mn'el kamarád'i* (он это не один делал, он имел друзей); род. п. *Češú už je málo* (чехов уже мало), *toliká kluci // dvacet človjek!* (столько парней – двадцать человек!), *Nejste žádněj Žid'i? Ze-Žid'i?* (Вы тут никто не евреи? Из евреев?), дат. п. *i honem na-tu stranu zas ke-klucím* (и скорей на ту сторону, назад к ребятам), твор. п. *mezi-Češima* (среди чехов) (букв. 'между чехами'); в СПЧ вин. п. *na-kluci dávali zem* (на парней давали землю), род. п. *pjet kluci* (пятеро парней), твор. п. *s-Češami* (с чехами).

Большей частью, однако, формы им. п. мн. ч. одушевленных существительных мужского рода в исследуемых идиомах совпадают с исконными формами вин. п. мн. ч. Примеры из СКЧ: *a te' sem přišli Tataři a Turki a fšecko tadi je* (а теперь сюда пришли татары и турки, и всякие тут есть); *vnuki [...] nemluví a pravnuki teprva* (внуки [...] не говорят, а правнуки тем более); *sedí babički / dedečki tam f-parku* (сидят там в парке бабушки, дедушки); *děln'iki š jeli na práci* (рабочие же ехали на работу) и др.; из СПЧ: *ježiški chod'ili* (иисусики ходили) (разносящие детям рождественские подарки), *na-svarbje kluci / bili jak oficanti* (на свадьбе парни были как официанты) (без смягчения **t**), *dva sini umřeli* 'двое сыновей умерло' (ср. вин. п. *dva sini mn'el* – двоих сыновей имел) и т. п. Колебания в выражении одушевленности в им. п. мн. ч. посредством чередования конечного согласного основы демонстрирует даже лексема **Čech**: в СКЧ и в СПЧ сосуществуют формы *Češi* и *Čechi* (= рус. *чехи*).

Лишь изредка в СКЧ и СПЧ под влиянием русского языка наблюдается выражение одушевленности в форме вин. п. мн. ч., которая может совпасть с формой род. п. (причем не обязательно у существительных мужского рода): в СКЧ *náš Suvorof / vot // jak vihnal tech Tatarú // tich Turkú* (наш Суворов, вот, как выгнал тех татар, тех турок), *brali tech lidí ruskejch v-armiju / popoln'ali* (брали этих, русских людей в армию, пополняли); в СПЧ *jednu neděli kluci nás šmřkustovali / d'efčat* (в одно воскресенье парни стегали прутьями нас, девчат) (здесь явно по аналогии с совпадающими формами род. и вин. п. местоимения 1-го л. мн. ч.).

Формы им. п. мн. ч. всех разрядов адекватных слов при согласовании с одушевленными существительными, даже сохраняющими показатель одушевленности в данном падеже, в обоих идиомах обычно равны формам вин. п. мн. ч.: в СПЧ *starí Češi* (старые чехи) и *jedni Čechi* (одни чехи), *mí rodiče rožd'oní sou tedik* (мои родители рождены тут), *mládenci fšechni / kluci* (все молодые люди, парни) при единичном случае *a ti kluci nosili na-stoli* (и эти парни носили на столы) (со смягчением **t**); в СКЧ *ti vojáci tadi stáli, n'emeckí* (эти солдаты тут стояли, немецкие), *to ešče moje rodiče spívali* (это еще мои родители пели), реже *to sou moji přátelé* (это мои родственники) и даже *fšichn'i bili hú'data / z-Varvarofki* (все девушки были из Варваровки) (с «одушевленной» формой **fšichn'i** при существительном грамматически среднего рода со значением лица женского пола).

Одной из самых ярких примет юго-западных чешских говоров, наблюдающейся в СКЧ, выступают застывшие неизменяемые формы им.-вин. п. ед. ч. ср. рода притяжательных прилагательных на **-ovo** и реже **-ino** от названий лиц соответственно мужского и женского пола (ср. [16. S. 172–173; 18. S. 310–326]), например: *taťinkovo bratr / taťinka mojevo bratr* (папин брат, папы моего брат), *to bila moje kmotríčka / taťinkovo sestra* (это была моя крестная, папина сестра), *mámn'e se dedouškovo Kateřina říkalo* (маме дедушкиной Катержина имя было), *taťinkovo*

tamka / tamkino tamka (папина мама, мамина мама) (без чередования корневого заднеязычного согласного по русскому образцу). В рассказе одной информантки встретилось даже употребление застывшей формы на **-ovo** в сочетании с добавочно присоединенным постпозитивным определением в род. п. ед. ч.: *moje teta // вона mn'e nerodna / dvojurodna // tátovo mojeho sestra* (моя тетя, она мне не родная, двоюродная, папы моего (двоюродная) сестра).

В остальном как в СКЧ, так и в СПЧ наблюдается регулярное образование изменяемых притяжательных прилагательных от одиночных названий лиц мужского и женского рода (от последних – суффиксом **-in-** с чередованием корневой согласной или без него). При склонении в качестве прилагательных они получают, как правило, полные формы, ср.: *tadi mám ešte nehde strejčka / jako maminčiniho bratrance* (тут у меня еще есть где-то дядя, то есть мамин двоюродный брат) (СКЧ), *taťínkovou babičku já sem nazývala babus'a // a svou babička / maminčinou jako* (папину бабушку я называла бабуся, а свою – бабушка, мамину то есть), *jedna babička naše bila / s-taťínkovej strani / вона bila chachľuška [...] a s-mamink'inej strani babička bila čisto Česka* (одна бабушка наша была, с папиной стороны, она была хохлушка [...] а с маминой стороны бабушка была чисто чешка) (СПЧ). В строке из свадебной песни *fčeras bila maminčina a neskej uš-eš Količková* (перевод исполнительницы: раньше ты была материна, а теперь ты уже Колина), записанной в деревне Новоградка Омской области, представлены, вероятно, полные формы им. п. ед. ч. женского рода прилагательных с суффиксами **-in-** и **-ov-** (во втором случае – от мужского имени на **-a!**).

Своеобразной чертой СКЧ является также употребление семейно-притяжательных форм с окончанием **-ú/-u**, образуемых от имен собственных (реже – нарицательных) мужского рода, выражающих принадлежность семье либо к семье и одновременно служащих в качестве местных названий семьи и ее членов, т.е. – за исключением отапеллятивных форм – фактически фамилий. Примеры: *Rúžičkú náš taki bil starej dům* (вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом), *Vena Luzumu chodil k-tej Fan'e N'emcu* (Вацлав Лузум ухаживал за Фаной Немец), *вона bila Jeřápku* (она была из семьи Ержабеков), *Bjeti Chalupú babička* (бабушка Беты Халупы), *i Kupšú bili vislaní* (и (семью) Кубешей выслали). Формы такого типа – *Bartošů vědro* (ведро семьи Бартоша), *Bartošů Marie* (Мария из семьи Бартоша) – фиксировал в южночешских диалектах еще Я. Гебауэр ([20. S. 268], ср. также [18. S. 330–331]), усматривая в них результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. мужского рода на **-ú(v)**. По другой трактовке, принадлежащей Й. Зубатому [21. S. 263, 266], источником подобных форм на **-ú** мог быть род. п. мн. ч. тех же притяжательных прилагательных со старым окончанием ***-ь**. В любом случае эти формы в СКЧ отличаются по характеру функционирования от выражающих принадлежность к семье и также служащих «домашними» фамилиями, генетически северо-восточночешских форм на **-ú/-u** в СПЧ типа *d'ed bil Vondrú* (дед был Вондра). Здесь это формы им. п. ед. ч. мужского рода притяжательных прилагательных, которые – как и в северо-восточных чешских диалектах – склоняются, сохраняя отчасти краткие именные флексии: *u-Franti Širelova* (у Франты Шиллера), полная форма твор. п. ед. ч. *s-Frantem Přibílovim* (с Франтой Пришибылом) (ср. [16. S. 171–172; 18. S. 312–321]). Формы женского рода в им. п. ед. ч. в СПЧ оканчиваются на **-ová/-ova**: *Taki babička bila pan'i Vondrová* (Вот и бабушка была пани Вондрова), *D'eviči / da? Pohořelova // a po-taťínkoj bila Janderova* (Девичья, да? Погоржелова, а по отцу она была Яндерова); семью же в целом или нескольких ее членов обозначают формы мн. ч. на **-ovi** с кратким гласным в окончании им. п.: *bili i Trpkošovi / i Kadřmasovi* (были и Трпкоши, и Кадермасы), *naše taťínki bili dva bratra / Vondrovi* (наши отцы были два брата, Вондры) (в СКЧ такие формы встречаются лишь изредка, например: *žili bohato / ti Kaskovi* – богато жили эти Каски).

Результаты проведенного сравнения двух чешских переселенческих говоров на территории России можно отобразить в таблице.

	СКЧ	СПЧ
Фонетика		
Ударение	инициальное в русизмах: z`imlanka // z`emlanki; na-paróm; tarhov`ec, chazajn фразовый сдвиг вправо: vi ste se umořili?; abi ji nesplařit; neučila sem se...	инициальное в русизмах: zemlanki, chodaki, reřili; na-bazar; kolchos, potom sauchos –
Ї > ej после c, z, s	– (cít'it, ciřkou)	cejtej, cejcha, blíska lesejka, na-vozejčkách
историческое распределение кратких и долгих гласных	nest, donest им. (и вин.) п. мн. ч. kluci	vodnist –
	řest – řítej, sedum – sídmej, vosum – vúsmej	
вторичное сокращение и продление гласных	buráčku sem nasázel hodn`e; u-těch Viktoru; devjed děřich; ř-řtiricátim roku; takovihle křički; mliko	pjet klucu, devjet lidř; ř-řtiricátim roku; tatřnek, kmotřiček, s-kořičkem; mliko, jist
	pěři, ze-zélim	pěři, pěřini, se-zélim, bjéřiř
реализация и замены v	dřřř // dřřř, přřř`i, z-Varvarofki, z-Hlebovki, do Anastasřeřki, von // won, uďáli wohen`, v-ohoroďe // w-ohoroďe, povídá // powídám	dřřř, přřř`i, mladi ďeřčátka, ďeřčata, von // won, bez-wocasa, w-rosadn`iku, h-noci, vistřelej, wejskali, s-wrukama mluwř, powídali // pojďali, vobuj
трактовка дифтонга оѳ	гусы се пасов, ковело се, Viktoru kofř	při совду, свеценов водов
комбинаторные явления	hdo, hde...; hdiř-se vrátil, pojřřhnul; ďřevjednej; svarba	hdo, hde... (// gdo, gde...); Marřa nadna; přsmička; korovlat, levorver; svarba
Морфология		
през. формы 3-го л. мн. ч. глаголов типа mluvř и rozumět	mluvřejř // mluvřejř, máloco rozumř i nemluvř, křřčejř // křřčř, jezďejř // jezďř, choďejř // choďř, stojejř // stojř, nepouřřčejř; nohi mn`e bólř; to ři mezi-nohi vitřeli	mluvřej, křřčej, cejtej, ďřžej, stavřej, uwařej se, choďejř, viděejř, třřlej // střřlejř, vistřelejř // vitřelejř; rozumn`ej // rozumř; myceř, spovřeř
формы императива	poprořte // poprořte, votpuřte, otpuřč řekn`ite, nejď ite, sedn`ite // sedn`ete si ďávej se přřznáme; ďávejte si vypřjem	– ď ite spát ďávejte uznáme n`eco
флексия дат.- местн. п. ед. ч. одуш. сущ.	ďedovi bilo vosumnáct let; k-tařřnkovi; neco ďá storořovi; nado Sařovi řřct; bajřřkovi ďám papat; k-tomu kon`ovi; k-tomu sinovu, ďedouřřkovu bilo dva roki	mladřmu klukoj, ďeděčkoj řřkali Antoř , po tařřnkoj bila Janderova; Слава отřу суну Сваřыму дүхоř
флексия тв. п. ед. ч. сущ. м. р. на -a	tak mi sme tam z-ďedouř jezďřili; Frantřřk Frantouř Frantu pohán`ř	Aneřka z-Honzem; s-Frantem Přřbilovřm

флексия род. п. мн. ч.	<i>hodn'e kon'ich; sedum d'eřich; a tech r'uzich tadi bilo!</i>	<i>dvanázd d'eřú; vid'ite / kolik menú má</i>
(не)выражение одушевленности в им. п. мн. ч. и другие явления, связанные с одушевленностью	<i>Čech – Čeři (и Čechi), hoch – hoři, kluk – kluci (в СКЧ также kluci), kamaráři, medvjedři</i> <i>Čeřú uř je málo; mezi-Čeřima; toliká kluci; N'emci sebirali řsechni ti mladi kluci</i> <i>a tet sem přiřli Tatarí a Turki; sedři babiřki, d'edeřki tam; pak tam uř naři soldati přiřeli</i> <i>jak vihnal tech Tatarú / tich Turkú</i>	<i>pjet klucu; s-Čeřami; na-kluci dávali zem</i> <i>na-svarbje kluci / bili jak oficanti; jeřiřki chođili</i> <i>kluci nás řmřkustovali, d'eřcat</i>
притяжательные прилагательные	<i>tařinkovo mamka, mamkino mamka; tátovo mojeho sestra</i> <i>a maminka eře i maminčina sestra bili živí moje; tadi mám eře nehde strejčka / jako maminčiního bratrance; f-Kirilce / tam</i> <i>Mařenkina pol doma je</i>	– <i>fčeras bila maminčina / a neskej uř-eř Koliřková; tařinkovou babiřku já sem nazívala babus'a; s-mamink'inej strani babiřka bila řisto Čeřka</i>
семейно- притяжательные формы	<i>Vena Luzumu chođil k-tej Fan'e N'emcu; vona bila Jeřápkú; Bjeti Chalupú babiřka; i Kupřú bili vislani</i>	<i>d'ed bil Vondrú; babiřka bila pan'í Vondrová; naře tařinki bili dva bratra / Vondrovi; u-Franti řírelova</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мячина З.И.* О некоторых фонетических особенностях чешского говора села Малая Зубовщина Коростенского района на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
2. *Мячина З.И.* Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовщина на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
3. *Мячина З.И.* К изучению морфологии глагола в чешском говоре села Малая Зубовщина на Украине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1971. Вып. 3.
4. *Мячина З.И.* Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовщина на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1971. Вып. 3.
5. *Мячина З.И.* Очерк языка чешского говора села Малая Зубовщина на Украине. Автореферат... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН БССР. Минск, 1974.
6. *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
7. *Чмейркова С.* Они наши или чужие? О репатриации волыньских чехов // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. М., 2006. Кн. 2.
8. *Кузнецов И.В.* Чехи Кавказа // Бюллетень центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999.
9. *Скорвид С.С., Третьякова И.В.* «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новоросийском // Язык, сознание, коммуникация. М., 2009. Вып. 38.
10. *Непраš J.* Čechové na Krymu i osada Čechohrad // Informační věstník občanského sdružení EXULANT. 2008. Č. 1 (25).
11. <http://exulant.evangelnet.cz/stare/data/Nepras.pdf>.
12. *Klíma S.* Čechové a Slováci za hranicemi. Praha, 1925.
13. *Uherek Z., Valášková N., Kužel S., Dymeš P.* Čeři z Kazachstánu a jejich p'esídlení do České republiky. Praha, 2003.
14. *Харламова М.А.* Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Казань, 2009. Т. 151. Кн. 3.
15. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. XIIа.
16. *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
17. *Balhar J. a kol.* Český jazykový atlas 5. Praha, 2005.
18. *Balhar J. a kol.* Český jazykový atlas 4. Praha, 2002.
19. *Lamprecht A. a kol.* České nářeční texty. Praha, 1976.
20. *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Praha, 1960. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování.
21. *Zubatý J.* Novákovice, u Nováků atd. // Naše řeč. 1921. Č. 9.